

В.А. Костенич (г. Могилев, Беларусь)

ЛИТЕРАТУРНЫЕ АРТЕФАКТЫ В РЕЧЕВЫХ ПРАКТИКАХ ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

Как правило, само понятие “дискурса” ассоциируется в научной литературе с такой организацией текстуальных пространств, при которой “ход мысли” ученого помещается в “прокрустово ложе” жестких речевых стандартов. Предполагается определенная “концептуальная прозрачность” и терминологическая “корректность” научных высказываний, их редукция к “протокольным фактам” чувственной достоверности.

“Философская речь” подвергается в этой связи уничтожающей и уничижительной критике как не поддающаяся процедурам научной “верификации и фальсификации” и перманентно страдающая грехопадением в вербальную умозрительность.

Однако позитивистски ориентированная критика философских конструкций смыслополагания все же “бьет мимо цели”. Она игнорирует “проблематизирующую сущность” философского (со)знания, которая заключается в том, чтобы побуждать человека “выходить за пределы «очевидностей само собой разумеющегося»” к смысловым горизонтам “начал Мысли”.

Последние же обладают парадоксальной природой “развивающегося Понятия”, с присущей ему интенцией (преодолевая “бытовые” искушения “мыслить определениями”) бытийствовать в контексте “экзистенциальных самоопределений”. Иначе говоря, рассудочная “транспарентность разжеванной мысли” сменяется трансцендирующим зондированием “первосмыслов” бытия. Любой “смысл” рассматривается как неустранимо незавершенный и “пограничный” с точки зрения возможностей его однозначного “капсулирования” в архетипической форме “терминов и пропозиций”.

В философии принципиально трансформируется сама “герменевтика высказывания”. Эстафета умозаключений, “непротиворечиво” аккумулирующих знаниевые фрагменты исследуемых предметных областей, сменяется апелляцией к “размытым множествам” культурно-исторических свидетельств, истребуемым из широчайшего спектра человеческих суждений и форм общественного сознания.

Для философии библейское положение, согласно которому “В Начале было Слово... И Слово было Бог”, обретает статус не столько сакральной максимы, сколько методологической установки. Вопрос отныне в том, как мыслится при этом само “Слово...”, каковы его бытийные масштабы и версии культурологического репрезентирования. Философия оказывается “территорией философствующих”, а само философствование реализуется посредством человеческих вопрошаний по поводу нашей “задетости” смыслами собственного существования перед лицом Времени и Вечности, Жизни и Смерти, Конечного и Бесконечного.

Философия обитает в бытийном пространстве “картин мира”, а философский Разум стремится “уловить” и эксплицировать Сущее в системе “категориальных каркасов”, фиксирующих глобальную мировоззренческую оптику восприятия бытия в размерностях человеческого присутствия в бытии.

“Категориальность” рассматривается в историко-философской традиции как характеристика, присущих бытию и мышлению, *основополагающих способов предъявления собственной бытийности*. Каждая из философских категорий об-Общает, со-Вмещает и со-Единяет в своем смысловом универсуме потенциально бесконечную совокупность “частных” понятий, отражающих отдельные аспекты бытия, человеческого существования и мышления.

В качестве “духовных” образований, философские категории выступают “смысловыми остовами” всякой мысли о Сущем. Фактически, любая мысль о бытии имманентно “погружена в раствор” тех или иных “категориальных структур” и обретает благодаря им содержательную “основательность”. Сами же “категориальные структуры Бытия” вскрываются человеческим сознанием в процессе многовекового опыта (пере)осмысления предметно-практического, духовно-практического, теоретического и вербального “о-Своения” Мира и нашего “места” в нем.

Будучи определенным образом скоординированы между собой из некоего “мировоззренческого центра”, философские категории извещают о ценностной картине мира, присущей отдельному (философствующему) человеку, профессиональному философу или философскому направлению, характеризуют их “смысложизненные доминанты”.

В этой связи и возникает вопрос о тех средствах и ресурсах социокультурного “арсенала мыслеобразов”, с помощью которых философия могла бы “бороться за Смысл”, не теряя, с одной стороны, своей интерсубъективной “рациональной” ипостаси, а, с другой стороны, иллюстрируя свои когнитивные прозрения методом “провоцирования” мыслить “от первого лица”.

Искусство в целом и литература в частности издавна выступают для философии в качестве своеобразных смыслонесущих “матриц”, используя мировоззренческий потенциал которых философски ориентированное сознание стремится продемонстрировать свои вопрошания в “образной форме”, отразить эстетику поисков человеком приоритетных для него “стратегий” существования в “возможных мирах” и версиях бытия.

При этом индивид избирает в качестве “философских аргументов” своих мировоззренческих идентификаций те литературные “жанры”, содержание которых максимально “флуктуационно” для Мысли, “бередит сознание” потребностью задуматься над “бытовыми” схематизмами и мыслительными “предрассудками”.

На наш взгляд, к наиболее креативным практикам (литературно фундированного) философствования можно отнести такие способы смыслоактуализации, как притчи, эпитафии, молитвы, афоризмы, эссе, поэтическая лирика, экзистенциальная сюжетология трагедий.

Все они (в контексте философского дискурса) способны не просто аранжировать философские повествования тем или иным вспомогательным “видеорядом”, но, напротив, “драматизировать восприятие” мировоззренческих Истин, погружая человека в органическое “сживание” со смысловыми перипетиями его принадлежности ко всему Сущему.

Каждая из названных литературных “форм” может рассматриваться как “некое Слово”, иносказательно высказывающееся о диалектических и экзистенциальных парадоксах (человеческого) бытия и иницилирующее вопрошание по поводу инкорпорированных в бытии “смысловых безднах” и герменевтических полифониях. Они свергают с пьедестала уют устоявшихся мыслительных стереотипов, идеологических лозунгов, прозаической обыденности. Или, говоря языком самой же философии, вводят нас в феноменологию “жизненного мира”, где философствование оказывается не спекулятивной репликой мудрствующего ума, а особой версией причастности к собственному бытию.

Философски нагруженные литературные артефакты позволяют испытывать смысловые изначальности бытия на человекообразную “подлинность”, подталкивают к рефлексивному “о(т)странению” от всяческих псевдоимитаций мысли, оставляют в “творческом недоумении” и многоточии вечного возвращения к первоистокам наших смыслообитаний.

Бытие-в-истине и бытие-по-Истине вглядываются друг в друга, замыкая философствующего человека в координатах самообретения своей (возможной) самобытности. Категориальные структуры бытия, рафинированные философским сознанием в виде концептуализированных мыслительных рационализаций, начинают говорить на “человеческом языке”, языке пережитых прозрений и личностно завоеванных Смыслов.

Возможно, философствующие люди – это люди, “которые к ключам подбирают замки” (Ст. Лем), и тем не менее следует помнить, что “темнее всего перед рассветом” (Т. Фуллер), а следовательно, “Господи, помоги Нам (самим. – В.К.) отыскать... Истину и убереги от тех, кто... уже нашел ее” (автор афористической молитвы неизвестен, но, по нашему глубокому убеждению, абсолютно, философски, прав. – В.К.)...